

Мы ЗАВЕРШАЕМ публикацию исторического очерка «12 дней на острове Варничном» («Право выбора» №10-11 от 28 мая - 17 июня и № 12 от 18 июня - 9 июля 2012 года). В нем идет речь о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского на усольских соляных варницах, где началось его сибирское затворничество.

В биографии Н. Г. Чернышевского Сибирь оставила глубокий след. Более семи лет провел он на каторжных работах в Нерчинских рудниках, а затем 12 лет - в Вилюйской ссылке. Тяготы и невзгоды сибирского периода не сломили могучего духа революционера и мыслителя.

Так получилось - и это навсегда отразилось в истории Усоля - сибирская каторга Н. Г. Чернышевского началась на усольских солеварнях, снижавших себе к середине XIX века печальную славу. Тяжелые условия труда превратили ее в одно из наиболее известных в Сибири каторжных мест.

«Я приехал в Усолье 10 июля 1864 года, - писал Николай Гаврилович Чернышевский своей жене Ольге Сократовне, - с этого дня считается начало срока моей каторги».

Не так много осталось документальных свидетельств о пребывании Н. Г. Чернышевского в Усолье, но кое-что все-таки сохранилось. Опираясь на эти документы, редкие свидетельства очевидцев, давайте вернемся на полтора века назад, в 1864 год, к событиям, без которых просто не представить во всей полноте биографию замечательного человека, выдающегося мыслителя и борца.

12 дней на острове Варничном

Продолжение. Начало в № 10-11, 12

Борисоглебский, ничего не знавший о решениях, принимавшихся в Иркутске, тем не менее времени даром не терял. Видя, насколько большое оживление внесло появление Чернышевского в устоявшийся уклад жизни усольской колонии политических ссыльных, комендант решил принять собственные меры для изоляции «государственного преступника».

Отправив рапорт, Борисоглебский не счел свои дела оконченными. Недалеко от заводской конторы находился небольшой двухэтажный домик, в котором несколько комнат снимал сам комендант. На первом этаже размещалась жандармерия.

«Придется потесниться, - Борисоглебский невольно усмехнулся, обдумывая свои тайные мысли, - зато на душе спокойнее будет: все время на глазах».

В тот день Чернышевскому не суждено было вернуться в шумную казарму, провести время за общим столом среди новых друзей. После работы, когда он уже повернул к знакомому мостку, его отделили от общей группы и приказали шагнуть в другую сторону. Борисоглебский был подчеркнуто вежлив, играя роль гостеприимного хозяина.

- Мне показалось, - говорил он, - в казарме и скучно, и шумно. Здесь, полагаю, будет удобнее.

Чернышевский отлично сознавал, что печется комендант, конечно, не о его выгоде и удобствах. Но в разговор вступать не стал, лишь сдержанно поблагодарил. Оставшись один в небольшой комнатке, устал опустился на стул. Стало ясно, что с Усольем придется расставаться. Квартира коменданта - не место для опасного каторжника с семилетним стажем. Чернышевский это отлично понимал.

В тот вечер, сопоставляя события последних дней, он понял: солеварни - лишь промежуточный этап его каторги. Впереди - еще более тяжелое время и более жестокие условия.

Ночью не спалось. Терзали думы, мысли о дне завтрашнем. Несколько раз подходил к окну, подолгу смотрел на охранника, изо всех сил борющегося со сном. Только близость коменданта не давала тому окончательно свалиться на завалинку и предаться сладким сновидениям. Эта сценка немного развесялила Чернышевского и даже успокоила.

Утро он встретил в хорошем настроении. Из окна открывался прекрасный вид на Ангару. С реки наносило свежесть. Николай Гаврилович несколько секунд, отрешившись от вчерашних забот, с жадностью смотрел на свободную реку, затем перевел взгляд на сосновый бор, черневший на той стороне реки. Из задумчивости его вывел голос коменданта.

- Можете не спешить, - Борисоглебский продолжал разыгрывать из себя учтивого хозяина. - Работать сегодня не придется.

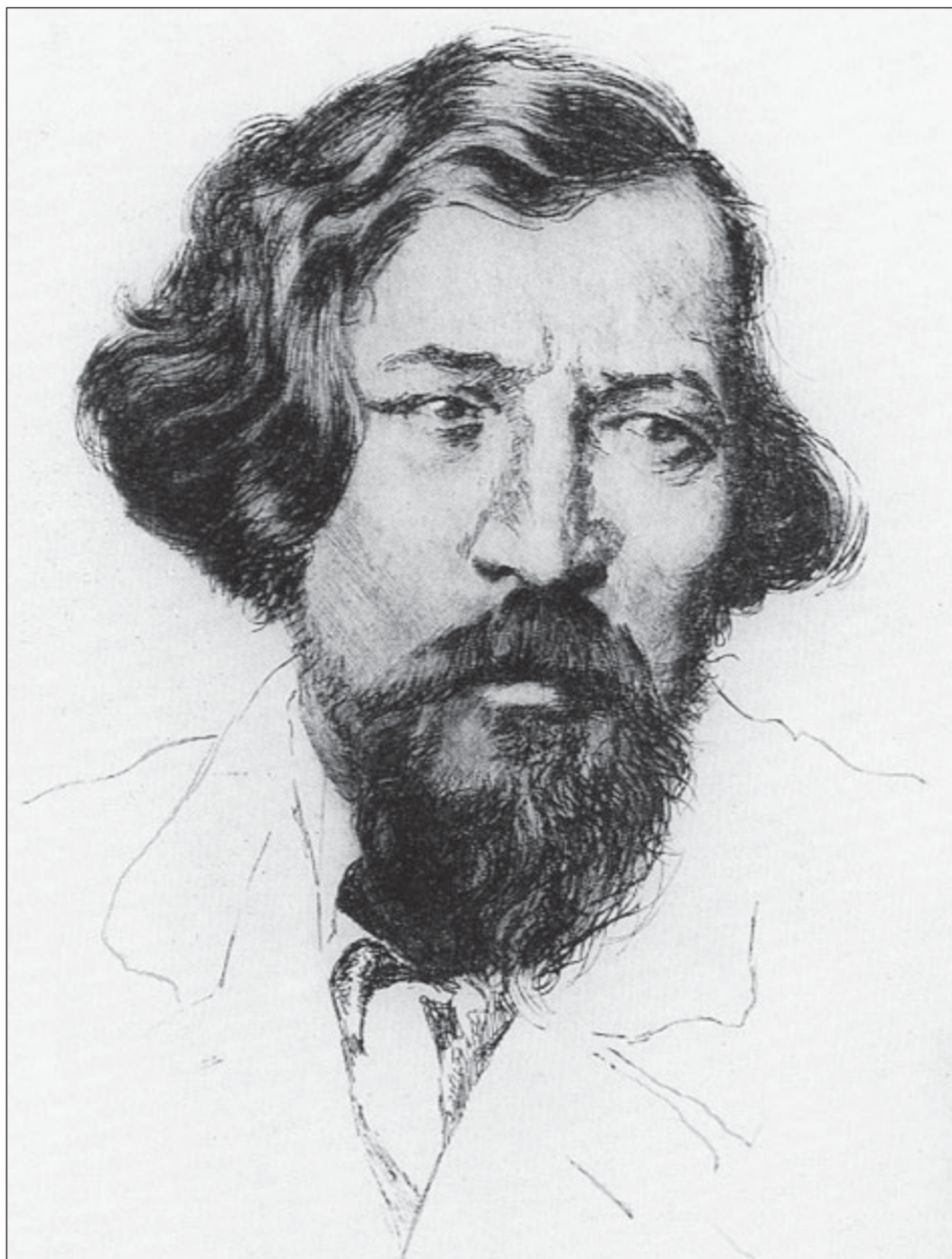
- Что так? - Чернышевский задал вопрос, поймав себя на мысли, что вечером он все оценит правильно.

- Получен приказ, - комендант перешел на официальный тон, - отправить вас в Иркутск.

И, секунду помедлив, добавил:

- Там узнаете о будущей судьбе своей. Я же человек маленький. Выполняю то, что сказано.

Хоть и недолго пробыл Чернышевский в Усо-

лье и не до конца узнал порядки соляной каторги, но что-то дрогнуло в его сердце при вести о расставании. Впереди, он понимал, ждал его нелегкий, дальний путь, а здесь оставались первые на сибирской стороне знакомые, друзья. Жалел, что и попрощаться толком-то с ними не удалось.

Борисоглебский спешил, радуясь в душе, что его докладная принесла желанный результат. И некогда ему было подумать о том, что такой «государственный преступник», как Чернышевский, грозен был не только ему, мелкому жандарму при каторжном заводе. Он грозен был всему самодержавному строю, душившему свободу и народную волю. И, стало быть, послаблений, милости ждать было нечего. Николай Гаврилович Чернышевский это отлично понимал и, надо полагать, если бы узнал о рапорте усольского коменданта, то простил бы ему его жандармское рвение.

Ближе к полудню все формальности с подготовкой к отъезду были закончены. Чернышевский привычно поднялся в казенную повозку, привычно устроился между парой охранников и лишь после этого, поправив очки, бросил последний взгляд на Усолье. Отдохнувшие за ночь кони взяли резво, из-под колес взвилась жирная пыль, а Николай Гаврилович все смотрел и смотрел на каторжный остров, откуда доносились свистящие всхрапывания маятника, качавшего соляной рассол. Вскоре сельская улица кончилась, и дорога побежала среди крестьянских полей и березовых колков. Дорога узнику была знакома, но что же ждало его впереди?

В тот же день, 23 июля, Н. Г. Чернышевский оказался в Иркутской тюрьме, чтобы на следующий утро быть отправленным в Нерчинские рудники. Тяжелая дорога в Забайкалье заняла почти полмесяца. В иной день повозке дово-

дилось покрывать 120-130 и более километров. Наконец, третьего августа, кончилась дальняя дорога, занявшая в общей сложности с момента выезда из Петербурга почти три месяца.

Чернышевский еще был в пути, а в Забайкалье в адрес его постоянных надсмотрщиков из Иркутска летели, обгоняя казенную повозку, напоминания о необходимости строжайшего над ним надзора.

Жандармы горели желанием поскорее загнать ненавистного узника подальше, в самое невыносимое место, но их планы на первых порах сорвала болезнь Чернышевского. Помощник нерчинского горного начальника штабс-капитан Герасимов сообщил генералу-губернатору Шелашникову: «...Ссыльнокопартный государственный преступник Николай Чернышевский в Нерчинский завод был доставлен 3 ч. сего августа и того же числа по освидетельствованию его в состоянии здоровья в общем присутствии нерчинского горного правления через медика был отправлен в Кадаинский рудник для помещения впрямь до выздоровления в Кадаинское лазаретное отделение, а по выздоровлении для употребления в рудничные работы...».

Два года Н. Г. Чернышевский томился в Кадаинской тюрьме, а затем пять лет - на Александровском заводе. Каторга не сломила его воли. Николай Гаврилович пользовался огромным авторитетом среди политических ссыльных, не теряя революционной бодрости, занимаясь литературной деятельностью.

В августе 1870 года истек срок каторги. В письме к жене он делился планами: «К осени, думаю, устрою где-нибудь в Иркутске или около Иркутска и буду уже иметь возможность работать по-прежнему». Но иначе думали те, кто гноил Чернышевского в сибирской каторге. В III отделении была составлена справка для доклада царю, в которой говорилось об огромном влиянии идей Чернышевского на молодежь и необходимости оставить его в заточении. Царь наложил резолюцию: «Исполнить согласно соображению». И бюрократическая машина не дала осечки. Генерал-губернатор Восточной Сибири местом заточения (слово «поселение» здесь вряд ли уместно) выбрал «могильный склеп» - забытый богом

мысли, образы его романов питали русское и мировое революционное движение.

Страница истории Усоля, связанная с именем Николая Гавриловича Чернышевского, одна из самых памятных и знаменательных, к которой будут вновь и вновь обращаться усольчане. Это накладывает на усольчан и особую ответственность за сохранение и увековечивание памяти Н. Г. Чернышевского.

В свое время по линии городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был предпринят ряд практических шагов к тому, чтобы усольчане смогли полнее узнать о событиях, связанных с пребыванием Н. Г. Чернышевского на каторжном солеваре. Силами активистов-общественников читались лекции, был выпущен специальный плакат, оформлены музейные экспозиции. Большую работу провели краеведы школы № 3, собравшие довольно обширный материал о сибирской ссылке Н. Г. Чернышевского, его пребывании в Усолье. Работа школьников получила тогда такой широкий размах, что реально стали говорить о присвоении школе имени Н. Г. Чернышевского.

К сожалению, далеко не все из намеченного удалось реализовать. Подрастают юные усольчане, в город приезжает немало гостей. И для многих из них откровением оказывается известие о том, что именно в Усолье начиналась сибирская каторга Н. Г. Чернышевского. Впрочем, нередко и старожилы осведомлены на этот счет недостаточно полно. Есть ли в Усолье улица Н. Г. Чернышевского? Где она находится? На подобные вопросы далеко не все усольчане способны ответить с ходу, а многие и вообще ничего не скажут в ответ.

Вывод напрашивается единственный: нужны решительные меры для увековечивания имени Н. Г. Чернышевского. В мечтах видится и памятный знак на острове Варничном, и исторический паспорт Усоля, где с красной строки имя Н. Г. Чернышевского, установленный, допустим, на площади у железнодорожного вокзала или при въезде в город. А если дать волю мечтам, то нетрудно представить «Чернышевские чтения» в усольских библиотеках или даже «Чернышевские вечера», местом проведения которых стали бы клубы, книжные магазины и городские дворы.

Вилюйск. Этот страшный удар обрекал Чернышевского на полное духовное одиночество. Ему было суждено двенадцать лет прожить в ледяной пустыне, окруженной тайгой, болотами, топями и жандармами. Ни один из царских узников, не говоря уже о ссыльных, не подвергался столь строгому режиму. Но ничто не могло сломить дух демократа и революционера. И здесь, в крае вечной мерзлоты и белого безмолвия, Николай Гаврилович продолжал бороться, работать, вселяя страх в тех, кто топился у царского трона.

Только через 19 с лишним лет 55-летним, преждевременно состарившимся, измученным, больным человеком. Н. Г. Чернышевский смог вернуться в Россию. 27 октября 1883 года жандармские офицеры доставили его в Астрахань. Но и здесь царизм не оставил его в покое - он постоянно находился под негласным надзором полиции.

Всю свою жизнь Н. Г. Чернышевский прожил в борьбе, не теряя бодрости духа и воли к ней. Всей своей жизнью он подтвердил собственные слова, сказанные когда-то в письме жене, писавшемся в Петропавловской крепости: «Скажу тебе одно: наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут мило людям, и будут вспоминать о нас с благодарностью... Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь».

Лишь за несколько месяцев до смерти Н. Г. Чернышевскому было дозволено переехать в Саратов, на родину. Умер Чернышевский 29 октября 1889 года. Более сорока лет, вплоть до 1905 года, имя великого революционного демократа было под запретом в России. Но его

Усольчанам повезло в том, что судьба Н. Г. Чернышевского пересеклась с историей города. Этим обстоятельством нельзя не гордиться, но одновременно надо и самым полным образом использовать для воспитания лучших гражданских и человеческих качеств.

Борис Краинский

НА СНИМКАХ:

Сыльный поляк Станислав Катерля, оказавшись на усольских солеварнях не по своей воле, оставил карандашные наброски различных уголков Усоля второй половины XIX века. Вот на одном из них (№1) запечатлен вид с крайней усольской улицы на остров Варничном, где каторжанам, в том числе и Чернышевскому, пришлось качать соляной рассол и варить соль. На другом рисунке (№2) изображена больница, вид которой запечатлен уже с Варничного острова. Особенно часто на рисунках (№2) встречались варнички, где круглые сутки кипел соляной рассол, и приходилось работать самому художнику.

Рукой Станислава Катерли запечатлены и другие усольские достопримечательности: школа, польский костел (дом сохранился до наших дней), панорама села, казармы каторжан и ссыльных поселенцев.

За каждым рисунком - любопытные истории и свидетельства, что дает возможность всмотреться вглубь веков и почувствовать дыхание усольской старины. Вот и 12 дней, проведенных Н. Г. Чернышевским на острове Варничном, словно оживают, когда начинаешь всматриваться в карандашные наброски Станислава Катерли.

